

Shmuel Shwarzband
О странствующем философе
и об одном стихотворении Г. С. Сковороды

...Подонки, которые лгут постоянно,
Хотят, чтоб за это им пели осанну!
А если молчишь, то целятся в пах,
С лавровым бесстыдством в крысиных зрачках¹

Сразу вспоминается другой советский министр иностранных дел, именем которого был назван один из самых кровавых пактов — пакт Риббентропа и Молотова. Но именно тогда, в августе 1939 г., В. М. Молотов говорил о том, что победить идеологию силой оружия невозможно. Понадобилось уничтожение десятков миллионов людей, чтобы «молотовская» истина оказалась ложной.

Жаль только, что на скамье подсудимых в Нюрнберге в 1946 г. вместе с Иоахимом фон Риббентропом не сидел и его подельник по знаменитому пакту...

Ну, а то, что внук В. М. Молотова «галахический еврей» В. М. Никонов сегодня возглавляет фонд «Русский мир», по сути дела, подчеркивает известную русскую максиму — «яблоко от яблони недалеко падает»...

Русский народ (а если точнее: конкретные люди самоидентифицирующие себя с понятием «русский народ») никакого отношения к идеологическим мимикриям и мистификациям не имеет и нести за них никакой ответственности не может. Те же

© Shmuel Shwarzband, 2014.

© TSQ № 50. Fall 2014.

¹ Образ крыс появляется у Г. С. Сковороды в басне о котях: «Слышно, что у вас хорошие появились крысы... я ловлею веселился. Казалось, будто поймал самую чистую сибирскую крысу...». См. Г. Сковорода. Повне зібрання творів. В 2-х тт. Київ, 1973, т. 1, с. 432.

деятели, которые присваивают себе право «от имени и по поручению» русского народа озвучивать всевозможные идеологемы, раньше или позже оказываются на скамье подсудимых...

Так было и так будет.

Не случайно, К. Маркс считал, что в идеологии «люди и их отношения оказываются перевернутыми вверх ногами, словно в камере-обскуре»².

Более того, ложное сознание, присущее любой идеологии, всегда утверждает, по его мнению, свою самодостаточность и всеобщность, используя для своих целей искаженные политико-географические, исторические, лингвистические, этносоциологические и прочие данные: «Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но всегда с сознанием ложным»³. С этим ложным сознанием многочисленных украинофобов — от В. В. Жириновского и до В. В. Путина, от «дьякона всея Руси» А. В. Кураева и до «яблочницы» и коммунистки Л. Б. Мизулиной и т. д. — идентифицируются все «крымнашисты» и самопровозглашенцы Донбасса и Луганска.

Впрочем, искать в их «змеиных путаницах» зерна истины или потуги на гносеологию — бессмысленно и шизофрейдно. Столь же бессмысленно и шизофрейдно искать в диссертации Махмуда Аббаса, научный руководитель Примаков Е. М., намеки на объективное описание израильско-палестинского конфликта. Да и сам палестинский вопрос с момента его возникновения в лабораториях КГБ и по сей день уже стоил тысячи и тысячи человеческих жизней. Но для заплечных дел мастеров подлости и лжи в чинах и званиях, избранных и самообъявленных, самовлюбленных и одержимых имперским идиотизмом — человеческая жизнь никакой ценности не содержит.

В этой связи вспоминается эпизод о такой же позорной попытке присвоить в советской идеологии мандривного (странствующего) философа из Малороссии (исконная колыбель Киевской Руси) и объявить его представителем великорус-

---

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. В 39 тт. М., 1955—1966, т. 3, с. 25.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *ibid.*, т. 39, с. 83.

ской нации конца XVIII в. Так что вопрос о Г. С. Сковороде не только актуален, но и любопытен.

Ну, а то что, по мнению, «крымнашистов», в «пятую колонну» предателей, входили и честнейшие представители русского народа — такие, как например, Н. А. Заболоцкий и А. А. Тарковский, вряд ли кого-либо удивляет.

В 1936 г. занятый переводами из грузинской поэзии Н. А. Заболоцкий 1 июля сообщал Тициану Табидзе: «Числа 8 или 10 я выезжаю на Украину, где живет моя семья. Я устроил себе дачку на берегу Днепра, за Каневом, в живописном благодатном местечке, которое описано у Гоголя в „Вие“»⁴.

По-видимому, с пребыванием поэта в «благодатном местечке» связано и стихотворение Заболоцкого «Вчера о смерти размышляя» с пометой 1936 г., опубликованном в мартовском номере «Литературного современника» за 1937 г.:

Вчера, о смерти размышляя,
Ожесточилась вдруг душа моя.
Печальный день! Природа вековая
Из тьмы лесов смотрела на меня.

И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Всё, всё услышал я — и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик.

И я, живой, скитался над полями,
Входил без страха в лес,
И мысли мертвецов прозрачными столбами
Вокруг меня вставали до небес.

И голос Пушкина был над листвою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды,
И встретил камень я. Был камень неподвижен,
И проступал в нем лик Сковороды.

---

⁴ Н. А. Заболоцкий. Собрание сочинений. В 3-х тт. 1984, т. 3, с. 318 (см. <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=4038>).

И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!⁵

1936

Ровно через 40 лет вслед за Н. А. Заболоцким не менее известный поэт — А. А. Тарковский — влетает в венок на могилу Г. С. Сковороды свое стихотворение:

Григорий Сковорода

Не искал ни жилища, ни пищи,
В ссоре с кривдой и с миром не в мире,
Самый косноязычный и нищий
Изо всех государей Псалтыри.

Жил в сродстве горделивый смиренник
С древней книгою книг, ибо это
Правдолюбия истинный ценник
И душа сотворенного света.

Есть в природе притин своеволью:
Степь течет оксамитом под ноги,
Присыпает сивашскою солью
Черствый хлеб на чумацкой дороге,

Птицы молятся, верные вере,
Тихо светят речистые речки,
Домовитые малые звери
По-над норами встали, как свечки.

Но и сквозь обольщения мира,
Из-за литер его алфавита,
Брезжит небо синее сапфира,
Крыльям разума настезь открыто.⁶

<1976>

---

⁵ Н. А. Заболоцкий. Собрание сочинений. В 3-х тт. 1983, т. 1, с. 181 (см. <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=3914>).

⁶ Арсений Тарковский. Собрание сочинений. В 3-х тт. 1991. Том 1. с. 332.

История могильного камня, как и памятника возле дуба Г. С. Сковороды, достаточные основания топографической композиции упоминания камня с «ликом Сковороды»:

Но для уроженца Малороссии Арсения Тарковского это стихотворение было не только переключкой с зекон Заболоцким, но и утверждением вопреки мертвым мифологемам идеологов зыбкости живого ума и той правды мысли, которая опровергала фантазии мистификаторов.

Собственно говоря, напоминая сегодня об этом, мне хотелось акцентировать внимание не только на неприятии досужих разглагольствований «крымнашистов» и прочих приверженцев «великорусскости» имперского сознания, но и подчеркнуть, что у истории, как и у философии, истина — не производное идеологий, а трудный путь познания, в том числе и самого человека, ибо девиз «Познай самого себя», как во времена Пифагора, так и в наше смутное, оплеванное подполковниками от ФСБ фашизма, время остается единственной путеводной нитью. И в качестве примера история стихотворения «De Libertato», кажется, требует должного внимания и понимания:

Что то за вольность? Добро в ней какое?
Ины говорят, будто золотое.
Ах, не златое, если сравнить злато,
Против вольности еще оно благо.
О, когда бы же мне в дурни не пошиться,
Дабы вольности не мог лишиться.
Будь славен вовек, о муже избранне,
Вольности отче, герою Богдане!⁷

Нам неизвестно ни время, ни место создания Г. С. Сковородой стихотворения «De libertate», привлекавшее особое внимание исследователей: «Це один з віршів, у якому Сковорода висловлює своє прихільне ставлення до Богдана Хмельницького. Питання про вільність тлумачиться ним не тільки в моральному, а й у політичному плані. Поряд з цим у вірші відчутні й біографічні мотиви та особисті переживання Сковороди, пов'язані з небезпекою опинитись в кріпацькій залежності від поміщика»⁸.

Имя Б. Хмельницкого действительно составляет «смысловую доминанту»⁹ стихотворения. Но кроме общих слов о том, что Сковорода «висловлює своє прихільне ставлення», исследователи ничего не определили.

Л. Махновец, проанализировавший коврайские автографы, пришел к выводу, что стихотворение написано в 1757—1758 гг.¹⁰, то есть во время второго пребывания Г. Сковороды в качестве домашнего учителя Василия Томары, если, конечно, время создания и время записи считать одним и тем же (а в творческой жизни Г. Сковороды это далеко не всегда совпадает). Но и в этом случае, по мнению Ю. Барабаша, «все равно нам останется лишь гадать»¹¹ о поводах возникновения стихотворения,

---

⁷ Г. Сковорода. Повне зібрання творів. В 2-х тт. Київ, 1973, т. 1, с. 91.

⁸ І. Іваньо. Примітки. Коментарі. ІН: Г. Сковорода. Повне зібрання творів. *ibid.*, т. 1, с. 480.

⁹ См.: Ю. Барабаш. «Знаю человека...» Григорий Сковорода. М., 1989, с. 305.

¹⁰ См.: Л. Махновец. Григорій Сковорода. Біографія. Київ, 1972, с. 132.

¹¹ См.: Ю. Барабаш, *ibid.*, с. 309.

хотя о причинах (окончательная потеря государственной самостоятельности¹², полное закрепощение некогда вольного от крепостного права народа¹³, опасность личной неволи¹⁴, резкое неприятие стяжательства и пр. и пр.) спорить не приходится: «волны бурлящего вокруг жизненного моря, отголоски драматических событий не могли не докатываться» до Сковороды, тем более, что Коврай, «где жил тогда Сковорода, расположен всего в 36 верстах от Переяславля — того самого Переяславля, с которым неразрывно связано имя Богдана Хмельницкого»¹⁵.

Однако у Г. Сковороды было достаточно субъективных причин — личных и художественных — для написания такого стихотворения. Дело не в том, что об этом впервые приходится говорить, а в том, что подтекст стихотворения «De libertate» по-прежнему остается невостребованным.

Известно, что ни в Переяславле, ни на Слабожанщине в 1754 г. каких-либо особенных торжеств по поводу 100-летия со дня воссоединения России и Украины хроникерами не отмечено. Юбилей прошел незаметно. Поэтому откликом на юбилейные празднества стихотворение Сковороды ни объективно, ни субъективно быть не могло.

---

¹² См., например, указ Елизаветы об уничтожении самостоятельных таможен (1753), введение которого окончательно слило территории Малороссии с Россией (А. Я. Ефименко. История украинского народа. Киев, 1989, с. 322). Ср.: «З одного боку, життя Сковороди припадає на період загострення феодално-кріпосницького гноблення на Україні. То був час остаточної втрати „козацьких вільностей”» (В. С. Горькій. Спадщина Г. С. Сковороди в історико-філософських дослідженнях. В сб. Сковорода Григорій. Дослідження, розвідки, матеріали. Київ, 1992, с. 168).

¹³ См., напр., универсал Разумовского (1761), фактически закреплявший «движимость посполитых за владельцами земли» (А. Я. Ефименко, *ibid.*, с. 323), что и стало впоследствии основой «крепости».

¹⁴ См.: А. Е. Махновец, *ibid.*, с. 132. Напр., жалобу казака Ивана Кузьменко, которому «приказывается» идти на панщину и в связи с этим он «козачого звання лишається». Характерно, что об этой опасности в 1753—1754 гг. попасть в крепостные к помещику С. Томаре (но не в 1755—1758 гг.) вспоминают только при упоминании стихотворения «De libertate».

¹⁵ См.: Ю. Барабаш, *ibid.*, с. 310, с. 304—305.

По словам М. Ковалинского, Сквороде, покинувшему Коврай, представился «случай ехать в Москву с Калиграфом»¹⁶. В современных биографиях Сквороды к 1754 году «принято относить не только его пребывание в Коврае, но и вторичную поездку в Москву»¹⁷. В то же время при уточнении даты их выезда «нужно исходить из того, что, как свидетельствуют документы, Калиграф получил назначение на должность префекта... только 31 января 1755 года. В дороге ему не повезло — сломал ногу. Лишь в августе следующего 1756 года... префект приступил к исполнению своих обязанностей... Значит, пребывание Сквороды в Москве приходится на 1755-й и, возможно, 1756 год, но никак не на 1754-й»¹⁸.

Следовательно, запись стихотворения «De libertate», сделанная Сквородой во время его второго учительства в Коврае (1755—1758) свидетельствует не только о времени написания, но и о московских (точнее, великорусских) впечатлениях и мыслях.

Среди предшественников Сквороды, оказавших на его творчество несомненное влияние, был и выдающийся деятель петровской эпохи бывший преподаватель риторики Киево-Могилянской академии Феофан Прокопович. Его теоретический труд «De arte poetica», работа над которым началась еще в период учебы Ф. Прокоповича в коллегии Св. Афанасия в Риме, приобрел широкую известность. В то же время, как деятельный сподвижник царя по реформе русской церкви, Ф. Прокопович был автором «Духовного регламента», которым упразднился в России институт патриаршества.

Современные исследователи творческого наследия Сквороды, установив, что его идеи «побутовали у вітчизняному письменстві до нього в богатых вариантах», резонно заявляют: «Серед попередників треба назвати... Феофана Прокоповича»¹⁹.

---

¹⁶ См.: Повне зібрання творів. Г. Скворода, т. 2, с. 443.

¹⁷ Лошиц. Скворода. ЖЗЛ. М., 1972, с. 55.

¹⁸ Лошиц, *ibid.*, с. 55—56.

¹⁹ См.: І. Бетько. Г. С. Скворода і традиція автоепітафії у давній українській літературі. В сб. Скворода. Дослідження. Розвідки. Матеріали. Київ, 1992, с. 196. В дальнейшем этот сборник указывается в сокращенном варианте: Дослідження...

П. П. Охрименко, отмечая, что Сковорода «захоплювався його поезією, з якої іноді запозичав ті чи інші деталі, допускаючи навіть текстуальні збіги», указує, наприклад, що рефрен 21 пісні із «Сада» Сковороди («О щастіє, наш ясний світ! О щастіє, наш красний цвет!...») нагадує рефрен із «віршей» Ф. Прокоповича «На приход государыни императрицы Анны Иоанновны в подмосковное село Владыкино» («Ты наш ясний світ! Ты наш красний цвет!...»)²⁰.

П. М. Попов, правда, по другому поводу, справедливо помітив: «Прокоповіч прикладає образ ясного світу і красного цвіту до царіці, а Сковорода — до людського щастя, яке зовсім не залежить від царів і царіць»²¹.

Кстати говоря, отсылка к Ф. Прокоповичу есть и у самого Сковороды. В «Брани архистратига Михаила со Сатаною» к строке «И лице краснейшее цвет полный являет» Сковорода дал авторское примечание: «Полній. Сіє значит не тое, что исполненный, но полевой, что в поле. Сіи стихи суть из победній пісні Феофана Прокоповича, ректора Київскія Академії, трезічне воспевавшего царю Петру, победившему под Полтавою градом. Почти президентом в Синоде. Вечная память»²². Таким образом, автор «De libertate» сам підтверджує, що йому известны все публікації «Пісні победной» Ф. Прокоповича.

Несмотря на то, что Сковорода «добре знав твори Феофана Прокоповича, особливо його поезії і латинські вірші»²³, он не мог принять «радикальний антропологічний песімізм... державного вельможі»²⁴, тем более, что политические взгляды Новгородского архиепископа, «що ґрунтувалися на ідеї зміцнення самодержавної влади, були неприйнятими для Сковороди»²⁵.

---

²⁰ См.: П. П. Охрименко. Г. С. Сковорода і російська та білоруська літератури. Сб. Дослідження, с. 144—145.

²¹ См.: П. М. Попов. Григорій Сковорода. Київ, 1969, с. 125.

²² Повне зібрання творів. Г. С. Сковорода, т. 2, с. 83, прим. «а».

²³ См.: А. Жуковский. Київська академія — місце формування Сковороди. В сб. Дослідження, с. 279.

²⁴ См.: К. Сігов. Гра та «веселие сердечное» у філософській антропології Г. С. Сковороди. В сб. Дослідження, с. 20.

²⁵ В. Шинкарук, І. Іваньо. ІН: Повне зібрання творів. Г. С. Сковорода, т. 1, с. 35.

О вожде «ученой дружины» Сковорода мог слышать и в обеих столицах: и когда был певчим в Петербурге (1741—1743), и когда был гостем К. Ляцинского в Троицко-Сергеевской Лавре (1755—1756).

Сразу же после Полтавской битвы (1709) Ф. Прокопович, выступив с известной «Песней победной», употребил кальку с латинского «*pater patriae*» — звания, присваиваемого римским сенатом выдающимся императорам — и назвал Петра «отцом отечества».

В своем «Слове похвальном» на день рождения Петра I Прокопович продолжил «латинские заимствования» и дал развернутое сопоставление:

«Август он Римский Император, яко превеликую о себе похвалу, умирая проглаголя²⁶: *Кирпичный, рече, Рим обретох, а мраморный оставляю*. Нашему же Пресветлейшему Монарху тщета была бы, а не похвала сие пригласити; исповести бо воистинну подобает, древяную он обрете Россию, а сотвори златую»²⁷.

Эпитет «златой» по отношению к России не только указывал на богатство, но и был одновременно символом власти русских князей и царей, а после 1721 г. и императоров: «Шапка золотая» и «скорлатное портище с бармами упоминаются уже в завещании Ивана Калиты около 1339 г... Начиная с поставления Дмитрия, шапка и бармы воспринимаются как знаки власти (инсигнии)»²⁸. Б. А. Успенский вполне справедливо отметил то, что «царским венцом» была объявлена шапка не византийская, а «среднеазиатской работы XIV в. (золотой филигранный головной убор с собольей опушкой, впоследствии украшенный крестом), полученная, возможно, Иваном Калитой от хана Узбека»²⁹. Так что эпитет «золотое» к слову «добро» в стихотворении Сковороды вряд ли соотносим лишь с ценным металлом.

---

²⁶ Ср.: «Город Рим, не отвечающий своим внешним видом величию империи и подверженный наводнениям и пожарам, он так украсил, что по справедливости мог хвалиться, что, приняв его кирпичным, оставляет мраморным». Гай Светоний Транквилл. Жизнеописание двенадцати цезарей. М., Academia, 1933, с. 131.

²⁷ Цит по: Б. А. Успенский. Избранные труды. В 3-х тт. М., 1996, т. 1, с. 358.

²⁸ Б. А. Успенский. *ibid.*, т. 1, с. 110, прим. 19.

²⁹ Б. А. Успенский. *ibid.*, т. 1, с. 108, прим. 12.

Ф. Прокопович, хорошо знал, что *каменная столица* (Петр писал Апраксину после Полтавы: «Ныне уже совершенной камень во основание Санкт-Петербурху положен») возникла «посреди блат» и что среди строителей было немало и малороссов. Знал это и Сковорода, ибо не только в «прошпекты» Петербурга, но и в Ладожский канал (1719—1721) «было много уложено» казацких жизней³⁰. Поэтому золото (в сравнении с вольностью), как «блато», приобретает у Сковороды вполне конкретный характер и в таком историческом контексте выступает не только в качестве антонима к слову «каменный» (в своем обращении к Петру Великому, Ф. Прокопович провозгласил «римский образ» петровского деяния: «Россія вся есть статуя твоя»), но и в качестве синонима к слову «власть».

Б. А. Успенский в своей статье «Отзвуки концепции „Москва — третий Рим“», процитировав удивительную проповедь малороссийского неопита русского самодержавия, фактически подсказал один из компонентов подтекста: «Вопросимъ естественнаго разума, ты ктолибо еси, имеешь невольныя рабы, или и вольныя служители...»³¹ Думается, что, если слова «отец отечества» и «злато», «камень» и «блато», «власть» и «служба» являлись в большой степени лексическими доминантами во многих произведениях Ф. Прокоповича, то его противопоставление *невольного рабства — вольному служению* было поистине «зовом эпохи».

Известно, что студенты Киевско-Могилянской академии, осваивая искусство поэзии, сочиняли стихи и панегирики в честь национальных героев Сагайдачного, Подковы, Хмельницкого³². В отличие от них, давно уже перестав быть студентом, *учитель* Г. Сковорода откликнулся именно на «зов эпохи» Ф. Прокоповича.

Напомним, что акт «воссоединения» Украины с Россией в 1654 г. при Алексее Михайловиче, на который пошел по дипломатическим и политическим соображениям Б. Хмельникций,

---

³⁰ См.: А. Я. Ефименко, *ibid.*, с. 303.

³¹ Цит. по: Б. А. Успенский. *ibid.*, т. 3, с. 131.

³² См.: Історія української літератури. Київ, 1967, т. 1, с. 252—258.

после победы Петра *Алексеевича* в Полтавской битве (1709) и при жизни Г. С. Сковороды (1722—1794) завершился полной потерей малорусским населением собственной государственной самостоятельности.

В этой связи следует напомнить, что народное присловье «От Богдана до Ивана не було гетмана» точно отметило начало и конец одного и того же исторического процесса, в котором «изменник» Иван Мазепа был, по сути дела, государственным преемником «освободителя» Богдана Хмельницкого.

Эту логическую связь отметила еще А. Я. Ефименко (1906): «Шесть лет следила Москва с интересом за всем, что делалось у ее ближайших соседей... Момент этот, по ее соображениям наступил... 1 октября в Москве состоялся земский собор, на котором земля дала согласие на присоединение к Московскому государству украинского народа... 8 января 1654 г. собрана была в Переяславле рада, на которой украинский народ изъявил свое желание отдаться под покровительство Московского государства. Так произошел великий акт соединения двух русских народностей... Взвешивал ли Хмельницкий важность того шага, который он делал? По всей вероятности, нет, если судить его по дальнейшему поведению... Виленский договор, заключенный между Москвой и Польшей., ясно осветил эгоизм московской политики... снова Украина очутилась лицом к лицу с Польшей... И старый гетман, делая вид преданности московскому правительству, придумывал новые политические комбинации... Хмельницкий вопреки своим обязательствам входит в переговоры **со шведами** (выделено — С. Ш.), врагами Москвы, и с семиградским князем Ракочи...»³³

Имена Богдана и Ивана образовали своеобразное метафорическое целое, для которого название одной его части есть и отсылка к другой: нет на Мазепе «антирусской вины», как нет и на Хмельницком — «антиукраинской». Оба они были, в первую очередь, патриотами. И оба они свой патриотизм измеряли пользой своей Батьківщині, а не чужой.

Поэтическая полемика же Сковороды с некогда всемогущим любимцем Петра Великого приобретает особый характер еще

---

³³ А. Я. Ефименко, *ibid.*, с. 248—251 и 268.

и в силу того, что «De libertate» не является ее единственным примером.

Так например, дружеский разговор о «душевном мире» в «Алфавите» (середина 1770-х, окончательная редакция 1785 г.) начинается примечательно:

«Григорий. Слава Богу, собралась наша беседа! Что слышно? Нет ли вестей?»

Яков. Вчера сделался пожар. Довелось быть в гостях и напасть на шайку ученых.

Лонгин. Был ли пожар?

Яков. При бутылках и стаканах ужасный загорелся дыспут. Иной величал механику; иной превозносил химию; иной ублажал геометрию; иной пришивал человеческое щастие врачебной науке; иной похвальными песньми венчал историю; иной возвышал грамматику с языками; иной политику с обращением...

Григорий. Как прозываются те ученые?

Яков. Первой Навал, второй Сомнас, третий Пификов, люди славно ученые, а протчих не знаю»³⁴.

Первые два имени — латинские: «Навал» — плавающий, «Сомнас» — сонный, третье — греческое: «Пификов» — обезьяничающий³⁵.

Известно, что Сковорода провел 1759—1769 годы на Слобожанщине, где в разное время был учителем поэзии, синтаксиса, греческого языка и катехизиса (в прибавочных классах) в Харьковском коллегиуме.

Вполне вероятно, что одно событие из литературной жизни России было особенно важно для поэта Сковороды, преподававшего к тому же пиитику: в Петербурге «при Академии Наук» через 18 лет после кончины А. Кантемира (1744) в 1762 году были изданы его сатиры, до того распространявшиеся только в списках.

---

³⁴ Повне зібрання творів. Г. С. Сковорода, т. 1, с. 415—416.

³⁵ См.: Примечания. В изд. Г. С. Сковорода. Сочинения. В 2-х тт., М. 1973, т. 1, с. 497.

(Один из них в 1860-х гг. был обнаружен А. Куником и передан П. А. Ефремову, готовившему «академическое издание» А. Кантемира (1867). Рукописный сборник открывался «Письмом стихотворца к приятелю», за которым следовала «Таблица, содержащих в книге сей сочинений»:

«I. Архиепископа Новгородского и архимандрита Кролика похвальные автору стихи.

II. Словоприношение к императрице.

III. Предисловие на сатиры»³⁶.

Принципиально можно было бы показать, что многие сатирические *идеи* Кантемира были оспорены Г. Сковородой в различных диалогах и трактатах.

Однако в данной работе следует отметить только следующее: именуя одного «учоного» Навалом, другого — Сомнасом, а третьего Пификовым, Сковорода, возможно, метил в А. Кантемира («плавающий» — российский посол в Англии и Франции), Ф. Прокоповича («сонный» = «усопший»), Ф. Кролика («обезьяничающий» — «сторонник Ф. Прокоповича в борьбе против церкви»).

В этом контексте становится понятным и выражение «шайка ученых», нелицеприятная парафраза знаменитой «ученой дружине» Ф. Прокоповича (см., напр., стихотворение архиепископа Новгородского «К сочинителю сатир»:

И пером смелым межди порок явный
На нелюбящих ученой дружины...³⁷

Однако, не касаясь отношений Г. Сковороды к сатирам А. Кантемира, все-таки следует отметить, что для украинского мыслителя *панегирико-государственная* позиция *сатирика* (вспомните хотя бы стихи в честь императрицы Анны Иоанновны) была неприемлема, впрочем как и «служение» бывшего ректора Киевско-Могилянской академии русскому государю-императору.

---

³⁶ См.: Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. М., 1956, с. 434.

³⁷ Цит. по: Антиох Кантемир, *ibid.*, с. 443.

Об этом и следовало напомнить в связи с одним из первых поэтических опытов Г. Сковороды — стихотворением «De libertate», чей полемический подтекст определяет одну, но крайне важную для всего последующего творчества Сковороды мысль: его отказ от «служения» кому бы то ни было — власти ли, церкви ли, обществу ли (но ни в коем случае не Человеку) — был не только антивеликоросским делом (поэтому не «отца отечества» — императора Петра — воспел в потерявшей к 1750-м годам всякую государственность Малороссии Сковорода, а гетмана Хмельницкого — «отца вольности»), но и, по своей сути, диссидентским, ибо среди многих *званных* Г. С. Сковорода оказался единственным призванным.